

В. Л. Комарович справедливо, как мне кажется, считал инициатором всей работы «благословившего» ее епископа Дионисия Суздальского, дважды названного в приписке Лаврентия. Но он полагал, что летопись составлялась как документ (или черновик документа), на основании которого пять лет спустя, в 1382 г., Дионисий добился у патриарха в Константинополе учреждения в Нижегородско-Суздальском княжестве архиепископии (вместо епископии). Это повышение делало якобы нижегородского князя более независимым от московского.

«Когда-то считалось, — пишет по поводу такого рода объяснений Д. С. Лихачев, — что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы населения, имевшие различные тенденции».⁴²

В. Л. Комарович придает антимосковское значение величанию Дмитрия Константиновича «великим» (великим князем): в приписке Лаврентия и в надписи на сохранившемся серебряном кивоте Дионисия. Но ведь Нижегородско-Суздальское княжество действительно было «великим», т. е. объединяло ряд удельных княжений, точно так же как Московское, Рязанское, Тверское, Литовское княжества. Дмитрий Константинович и в летописях называется «великим князем».⁴³ Противопоставления Москве здесь нет (другое дело, если бы Дмитрий Константинович был назван великим князем В л а д и м и р с к и м или в с е я Р у с и!).

Отношения Нижегородско-Суздальского княжества с Московским в интересующее нас время были как никогда до и после мирными и тесносоюзническими. В 1364 г. Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от ярлыка на великое княжение Владимирское в пользу Дмитрия Ивановича Московского, с его помощью отобрал у брата Бориса Нижний Новгород и после этого беспрекословно признавал политическое главенство московского князя. Нижегородско-Суздальское княжество стало одной из первых и главных составных частей образующейся вокруг Москвы великорусской политической системы. В 1366 г. великий князь Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия Константиновича. Как раз эти годы, 1375—1377, наиболее важные для нас, были временем совместной московско-нижегородской антитатарской борьбы.⁴⁴

Дионисий был поставлен в суздальские епископы тем же митрополитом Алексеем, который способствовал вокняжению Дмитрия Константиновича в Нижнем Новгороде. Выходить из-под власти Алексея, при жизни которого была написана Лаврентьевская летопись, у Дионисия, насколько мы знаем, никакой нужды не было. А когда митрополит умер (12 февраля 1378 г.), все изменилось: началась «Митяева» смута, и в ней Дионисий принял очень деятельное участие. Борьба с местоблюстителем митрополичьего престола Митяем, ставленником московского князя, привела его в московскую тюрьму; оттуда он вышел с помощью Сергия Радонежского (который за него поручился) и, обманув князя Дмитрия Ивановича, бежал в Константинополь. В патриархате Дионисий был возведен в сан архиепископа, что сделало его более независимым. Борьба была столь динамичной и ситуация в ходе ее менялась так радикально, что для

⁴² Д. С. Лихачев. Текстология. (На материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, стр. 282.

⁴³ «... преставися раб божий князь великий Дмитрии Константиновичь... бив на великом княжении (Владимирском, — Г. П.) два лета, а в своей отчинъ тако же на княжении на великом 19 лет...» (Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, стлб. 148—149).

⁴⁴ Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 125—126.